

Глава 1. На базе отдыха. Наше знакомство

*Женщина ищет в мужчине поддержку,
Чтоб надо льдом на ладонях парить.
Ищешь Орла — не бросайся на Решку:
Решки не могут крылато любить!*

В. Гетманчук

Рано утром мы проснулись от раскатов грома и ярких вспышек молнии. Утреннее небо было пронизано яркими оранжевыми стрелами молнии и золотистыми разрядами грозы. Над нашим домом так загредел гром, что затряслись стены, и я подумала про себя: «Божий промысел».

Никогда не помнила такого громкого и масштабного шоу природы за всю свою жизнь. Внук сладко спал, набегавшись за целый день, и даже раскаты грома не разбудили его.

«Счастливый, не знает, что такое война и слава Богу», — подумала я и еще раз залюбовалась его милым ангельским личиком. Я наклонилась над ним и, поцеловав нежно в лоб, вернулась к себе в комнату.

К утру дождь закончился, и мы отправились на живописный берег реки. На реке, которая лениво и вальяжно несла свои воды сквозь хвойный лес, извиваясь, как огромный питон, отливая серебром

под лучами палящего солнца, резвились крошечные рыбки, выпрыгивая из воды.

Я стояла на берегу по колено в воде и рассматривала дно сквозь прозрачную речную воду. Вода после дождя была теплой и настолько прозрачной, что можно было рассмотреть водоросли, лениво распластавшиеся по дну реки и развивающиеся, как широкие шелковые ленты по течению воды, беспорядочно разбросанные ракушки и песок, похожий на маленькие дюны под водой. Веселые крошечные рыбки подплыли к моим ногам и начали резво кружиться вокруг моих ног. Я наблюдала за их игрой и за своим четырехлетним внуком, который копошился на берегу реки, то и дело набирая воду в пластмассовый зеленый поливальныйник и выливая ее на стены уже построенного забора из песка.

Недалеко от нас на большом голубом покрывале расположилась женщина в ярких летних брюках и наблюдала за трехлетней девчушкой, которая подпрыгивала в воде, как маленький лягушонок, разбрасывая брызги во все стороны.

Когда мой внук начал строить замок из песка, трехлетняя кроха с русыми кудряшками прекратила прыгать и подошла поближе к песочному замку. Увидев яркий совок на песке, ее большие, голубые как небо, глаза расширились и заблестели, и пухленькая ручка невольно потянулась к нему.

Ребенок схватил новую игрушку и радостно помчался к маме.

— Мамочка, посмотри! Какой он яркий! — ребенок был настолько счастлив от того, что смог получить красивую и яркую игрушку, которая, очевидно, малышке безумно понравилась, что я невольно улыбнулась.

Мама немного смущенно наблюдала за этой сценой и затем сказала строгим, но в то же время по-матерински мягким голосом:

— Дашенька, радость моя, верни мальчику совок! У нас есть свой такой же. Нельзя брать без разрешения чужие вещи.

— Мама, у меня зеленый, а я хочу красный совочек! Почему нам нельзя обменяться?

— Обмениваться можно, но ведь ты не спросила у мальчика, хочет ли этого он.

— Мама, мамочка, хочу это!

Ребенок начал плакать и капризничать. Только дети могут быть такими непосредственными и открытыми.

— Дашенька, нужно спросить у него самого. Нельзя быть такой нетерпеливой и требовательной.

Я стала невольным свидетелем разговора маленькой девчушки с волнистыми пшеничного цвета локонами и суровой на вид, но такой женственной и ранимой, молодой мамы.

Она была очень требовательной и в то же

время такой любящей. Так могут любить только люди, которые смотрели смерти в глаза не раз и понимают цену жизни.

Я подошла к своему очаровательному шустрому крепышу, который строил свой замок с деловитым видом прямо на берегу реки из золотистого теплого песка и шепнула ему на ушко:

— Стасенька, солнышко, не жадничай. Дай девочке совочек и поиграй с ней вместе. У тебя так много игрушек: ведерко, сачок, много пластиковых формочек. Можно и вдвоем играть. Так еще веселее будет.

Мой внук, как и любой мужчина, хотя еще только мужчинка маленький, поворчал немного, но затем все же решил пойти на уступки. Наверное, просто, как любая особь мужского пола, заметил, что девочка симпатичная (ох уж эти мужики!) и они начали строить нечто похожее на крепость из песка.

Глаза женщины засветились счастьем. Теперь она успокоилась и наблюдала за процессом игры детей спокойно.

— А что вы ему сказали? — поинтересовалась она.

— Да так, ничего. Напомнила, что он мужчина.

— Мужчина... — медленно она произнесла слово еще раз. — Это хорошо, когда с самого детства он понимает, что несет ответственность не

только за себя.

— Жизнь такая штука, что никуда от этого не денешься.

Сейчас я обратила внимание на ее глаза, полные печали, и то, как странно она держала свою ногу. Заметив мой взгляд на себе, она быстро переключилась на другую, более радостную тему. Возможно, не хотела услышать неприятные вопросы, обычно задаваемые ей.

— А вы ходите в садик?

— Нет, — ответила я. — У меня есть возможность заниматься внуком дома и я наслаждаюсь этим.

— А дети-то где?

— Сын с невесткой в командировках за границей постоянно. Вот я тут им помощник. Ведь в молодости дети, как живые игрушки, а внуки — самое дорогое в жизни. К ним совсем по-другому относишься: больше заботы, внимания, тревоги за них и трепета.

— Может, вы и правы. Мне, надеюсь, предстоит это испытать тоже.

— Поверьте мне, все будет. Вы же такая молодая.

— Знаете, жизнь такая непредсказуемая штука. Но я оптимистка и верю в то, что шанс жить дается не каждому, и если он тебе был дан, надо меняться самому и становиться лучше.

Так мы познакомились со Светланой, и началось наше общение. Мой внук и ее дочь практически каждый день гуляли на пляже вместе и мы, взрослые, встречались тоже там, любуясь красотой природы и наслаждаясь свежим запахом хвойного леса, расположенного рядом с рекой. Шло время. Каждый раз мы радовались тому, как подружились наши детишки, наблюдая за их игрой вместе, и единственное, чему я удивлялась, так это то, что Света была в брюках даже в жаркую погоду и ходила она, прихрамывая.

Какое-то время мы не смогли с внуком приходить на пляж, потому что приехал сын с невесткой и забрали нас с собой в Грузию. Внук, конечно, не хотел расставаться на долгое время с Дашей, но все же пришлось. Неделя пролетела незаметно. Мы все были рады и довольны незапланированному, но очень интересному путешествию. Но более всего мой внук и я радовались событию, когда папа Станислава Станиславовича торжественно объявил, что у нас скоро снова будет малыш.

— Ну, что, Стас, готов воспитывать сестричку?

— А почему сестричку? Откуда вы знаете это? — удивленно расширив глаза, спросил мой внук.

— Ты не рад?

— Очень рад. Мне хорошо, потому что я не буду один и у меня будет моя родственная душа, — торжественно, как взрослый мудрый мужчина, заявил Стас.

Мы все дружно рассмеялись.

— А почему вы смеетесь? — спросил с серьезным видом мой внук.

— Мы не просто смеемся, мы очень довольны твоим ответом.

— Ну я же мужчина в семье. Главный, пока тебя нет дома. Правда?

— Да. С этим не поспоришь. На тебя можно положиться.

И мой сын похлопал его по плечу, улыбаясь. Мне было очень приятно и радостно наблюдать за ними. Мы улыбнулись с Машей и я спросила ее:

— Машенька, когда ты узнала о малышке?

— Если честно, то только вчера.

— Токсикоз?

— Нет. Душно стало в машине, голова закружилась. Но почему вы все, как сговорились и твердите, что это будет именно девочка?

— Не знаю. А ты-то кого сама хочешь?

— Хочу дочку, ведь проказник уже есть. Но ведь главное, чтобы ребенок был здоровым. Ведь так, мама?

— Ты права, что еще важнее? А что Стас-старший сказал, и что он думает? Рад

новости?

— Да. Очень. Мне с ним повезло.

— Вот и хорошо, что у вас все хорошо.

— Кстати, а кто эта девочка Даша? Мне сын все уши прожужжал про нее.

— Машуня, мы с ней и ее мамой на пляже и на детской площадке играем. Очень активная девочка.

— Боевая?

— Да уж. И в кого такая-то?

— В родителей, конечно.

— Ты права. Мама у нее прямо железная леди.

Только вот странно ведет себя.

— А что странного?

— Брюки носит постоянно.

— Может, что-то с ногами?

— Может. Она еще хромает.

— Тогда протез или тяжелая травма была. Мы сейчас как раз столкнулись с такой проблемой. Даже не могу описать свою боль словами, как много деток в Афганистане из-за войны пострадали. Многие просто умерли сразу после рождения, другие стали инвалидами на всю жизнь с самого рождения или во время войны. Их крики, стоны и плач у меня до сих пор в ушах звенят. А эти несчастные детские глаза я до самой смерти не смогу забыть.

— А тебя туда как пустили?

— Мы же со Стасом от «Красного креста» ездили. Продукты, оборудование привозили. Насмотрелась до чертиков. Просто ужас какой-то. Живем в 21 веке, а умирают такие крохи и сделать не можем ничего из-за отсутствия элементарной медицинской помощи. Война говорят, а я думаю, что мы люди сами в этом виноваты.

— А как же теперь будешь ездить?

— Вы про беременность?

— Ну да. Тебе же сейчас лучше нервы поберечь и не лезть в горячие точки.

— Не волнуйтесь. Мой начальник еще вчера звонил и сообщил, что я теперь в стране остаюсь. Стас поедет в Абхазию помогать компании с программным обеспечением и гуманитарной помощью для населения.

— Это лучше. Мне спокойнее будет за тебя.

Маша обняла меня и прошептала:

— Мама, спасибо за младшенького и старшего Стаса. Мои родители и то не так переживают.

— Знаешь, Машуня, это ведь я для себя больше стараюсь, — рассмеялась я. — Если честно, то не дай Бог тебе мою свекровь. Даже вспоминать не хочу. Вот поэтому и дала себе клятву быть лучше, чем она.

— У вас очень хорошо получается.

— Спасибо, родная моя. Просто хочу, чтобы у вас все лучше получалось, чем у меня. Нельзя детей

заставлять страдать.

— Эх, мама, как же вы правы, — вздохнув, прошептала Машенька. — Так что там с мамой Даши?

— Да вроде бы нормальная и очень внимательная. Но глаза такие грустные.

— Значит, жизнь тяжелая была.

— Может, и так. Но она не жалуется и так дочке радуется. Здоровые родители должны поучиться у нее терпению и безграничной любви к собственному ребенку.

— Одним словом — мамочка.

— Да. Очень хорошая и безумно преданная.

— Пойдемте домой. Нашим мужикам уже надоело на улице находиться.

— И дождь моросит.

Мы пошли, как две подруги домой, а два Стаса резвились, как шаловливые мальчишки, несмотря на разницу в возрасте.

Прошло несколько дней, прежде чем я снова встретилась со Светланой и ее дочкой. Мой внук Стас и ее Даша сразу же взялись за строительство замка из песка, а мы, взрослые, начали наш разговор.

— Давно вас не было, Светочка. Случилось что-то или просто отдыхали в другом месте?

— Все в порядке. Приезжал наш папа после соревнований.

— Папа — спортсмен?

— В каком-то смысле да, — рассмеялась она. — Валера тренер и массажист в команде параолимпийцев.

— Параолимпийцев? Это люди с ограниченными возможностями?

— Именно так нас называют.

— Вас? А вы-то тут причем?

— У меня протез. Вы же, наверное, обратили внимание на то, что я постоянно в брюках?

— Есть такое. Но ведь это не мое дело. Каждый ходит в том, в чем желает и в чем ему удобно.

— Верно. Просто мне еще не очень просто показывать на людях, что у меня нет ноги.

— Да... люди не все могут понять и принять, особенно, когда это дело касается других.

Чтобы не провоцировать мои вопросы, Светлана решила сама все рассказать.

— Это случилось на войне. Помните военный конфликт на Украине?

— Конечно. Столько людей погибло и все еще погибает в этих ужасных войнах.

— Так вот я была ее участницей.

— Вы?

— Да, я. И кроме того, я была снайпером.

Она посмотрела на мою реакцию и не увидев особого удивления в моих глазах, продолжила:

— Моя семья была многодетная. Вернее сказать, было много детей в моей так называемой семье. Мама работала, чтобы нас прокормить и до нашей учебы ей не было никакого дела. Девочек было трое, ровно сколько и мальчиков. Но многие умерли от цирроза. Знаете, что это такое?

— Да.

— Так вот они умерли именно от водки. Много пили.

— А как же вы здесь оказались?

— Наверное, судьба. Знаете, а я верю в судьбу, особенно после одного случая.

— Я тоже.

Неожиданно мы обе сразу повернулись друг к другу лицом и посмотрели в глаза. Я никогда не смогу забыть взгляд Светланы. В нем было столько боли от пережитого, грусти и печали. У этой 28-летней девочки был взгляд женщины, прошедшей круги ада. Наверное, поэтому она так бережно и преданно с любовью и безграничной радостью относилась к своей семье и дочери особенно, к самой жизни. Такие люди умеют ценить жизнь.

— Почему вы не удивились?

— Знаешь, Светочка, я ведь тоже в жизни звезды с небес не хватала. У тебя глаза очень грустные. Если не против, расскажи, что хочешь о себе. А если не хочешь или тяжело, молчи.

Светлана помолчала немного, но потом медленно и спокойно начала свой рассказ. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, как будто она перенеслась снова в то время и заново переживала события тех дней и страшных событий, через которые ей пришлось пройти.

Глава 2. Мое безрадостное детство и юность грустная моя

Когда я впервые переступила порог школы, у меня было непреодолимое желание стать отличницей и быть похожей на моего старшего брата Николая. Он всегда получал хорошие оценки и его всегда хвалили. Он был очень добр ко мне.

Мама привела меня за руку в мой первый класс и милая стройная учительница с кудрявыми каштановыми волосами вежливо поздоровалась с нами, представившись Еленой Николаевной и, взяв меня за руку, подвела ко второй парте и усадила за нее рядом со светловолосым мальчишкой, который сразу повернулся ко мне и начал знакомиться. Он первым начал разговор.

— Меня зовут Толик. А тебя как зовут?

— Света.

— Красивое имя, как у моей мамы. А у тебя есть сестра или брат?

— Да.

— А они старше тебя или младше?

— Есть старше и младше.

— Так у тебя их много?

— Нас шестеро.

— Ого.

Мой одноклассник неустанно задавал свои вопросы и пытливо заглядывал мне в глаза. Пока мы щебетали за партой, моя мама и моя новая учительница беседовали и что-то писали на бумаге. Затем мама поднялась и подошла ко мне:

— Ну вот, твой новый класс. Елена Николаевна будет твоим классным учителем. Она записала наш адрес, телефоны, если вдруг что-то не так. Не балуйся и слушай ее.

— Хорошо, мама.

И она ушла домой, закрыв за собой дверь. Ее миссия на этом была завершена.

Я старалась учиться хорошо, но если не могла сделать задание дома сама, обращалась к брату за помощью, потому что родителям было не до меня.

Отец постоянно пил и ругался. Как только получал зарплату, сразу можно было ждать его с бутылкой и пьяным. Когда мама пыталась объяснить ему, что пьянки ни к чему, он сильно ругался и, хлопая дверью, уходил из дома. Потом, конечно, возвращался, и родители мирились, но это ничего не меняло в нашей серой и неприглядной детской жизни. А мать постоянно была на работе, и

у нее не было времени на наше воспитание. Она работала с утра до вечера, чтобы хоть как-то нас прокормить. Мой брат помогал мне не только учиться, но и делать домашнюю работу. Трое из нас шестерых после школы пошли учиться в училище и работать, а мы втроем жили с мамой.

Квартира была маленькой и вещи лежали повсюду. В основном я донашивала вещи своих старших сестер.

Пока моей классной руководительницей была Леночка Николаевна, как мы все ее называли за доброе сердце и человечность, с учебой и отношениями в классе все было хорошо. Никто не смел унижать и оскорблять друг друга даже если ты был одет хуже одноклассников. Даже случайные прогулы уроков наша Леночка скрывала от директора во время школьной проверки, и мы старались не подводить ее, а учиться старательно, исправлять свои ошибки и слушать своего учителя.

Все родители и дети плакали, когда узнали, что она заболела и эта болезнь оказалась онкологией. Помню весной, как раз перед каникулами, наша мама-учительница пришла в класс на собрание с родителями, пожелала нам всем хорошего отдыха и ушла. Ушла навсегда.

Когда мы пришли в школу в сентябре и решили поздравить ее с новым учебным годом, кто-то из родителей сказал: «Наша Леночка умерла.

Не пережила химиотерапию». Многие девчонки плакали, а мальчишки сразу как-то даже повзрослели после такого горького известия.

Новые учителя не могли уделять столько внимания и так хорошо знать каждого из нас, как наша Леночка Николаевна. Вот поэтому некоторые мои одноклассники наплевали на учебу, если вдруг что-то не получалось сразу. Я не была исключением, тем более, что дома постоянно были скандалы до утра между пьяными родителями. Им до нас не было дела вообще.

В шестом классе случилось то, что должно было случиться — нас с Колей передали в интернат. Маму лишили родительских прав, потому что мы плохо учились и прогуливали уроки.

— Лазарева, ты снова не выучила текст?

— У нас не было света дома.

— А неделю назад то же самое случилось?

— Нет.

— Не надоело лгать? Почему ты не учишься?

Родителей вызову! Давай дневник.

Я села за свою парту, не проронив ни слова и покраснев, как рак, а моя соседка по парте Лида пыталась меня успокоить. Мне было очень стыдно за невыученный урок, но в моей семье маме явно было не до нас, она пыталась прокормить детей и устроить свою личную жизнь и она не знала английский язык, а мой брат учил французский.

Проболев в четвертом классе почти две четверти из-за отсутствия теплой одежды для морозной погоды, я пропустила много занятий и не смогла самостоятельно выучить все сама. Поэтому пробел в знаниях остался и все тяжелее становилось учиться. Меня это злило и раздражало, но никто, кроме Лиды и пары моих одноклассников не хотели мне помогать. Они вообще смотрели на меня, как на изгоя. У меня не было дорогих телефонов, модных вещей. Порой у нас, детей, не было даже возможности погладить свои вещи из-за отсутствия элементарного утюга. Много раз меня выручал тот факт, что я имела талант к спорту. И спасало меня то, что я хорошо играла в теннис и была участницей многих соревнований, в том числе и межрегиональных. Конечно, многие учителя закрывали глаза на пропуски уроков, потому что я привозила призы и грамоты, участвуя во многих значимых соревнованиях и это было очень престижно для школы. Но в конце концов некоторым учителям надоело ставить мне оценки, не спрашивая, а я ничего не учила лишь потому, что не было времени на учебу в перерывах между скандалами дома и соревнованиями.

— Светлана Петровна, у Лазаревой нет возможности заниматься дополнительно, у них нет денег.

— Все понимаю. Вот и помоги ей. Я же не

обязана сидеть с ней после уроков.

После разговора с учителем, который я слышала тоже, мне совсем не хотелось учиться вообще, тем более в этом классе и в этой школе.

Через несколько месяцев на заседании всего педколлектива приняли решение передать всех детей в интернат. Не могу сказать, что учителя кричали на меня или унижали — нет. Просто им было не до меня. У них тоже были дети и семьи.

Ранним декабрьским утром, как раз перед Новым годом, нас забрали в интернат. Мы шли все втроем к автобусу. Снег скрипел под ногами, светило яркое зимнее солнце. Мы шли с маленькими спортивными сумочками в автобус, который увозил нас из дома, в надежде вернуться, когда закончим школу. Никто из нас не знал, что мы уже не вернемся домой никогда. И дома у нас не будет вообще.

Нас завели в трехэтажное здание, построенное, наверное, лет сорок назад: окрашенные стены коридора, комнат, старый линолеум, школьная мебель, дети в неприглядной одежде.

После осмотра наших вещей и медосмотра нас распределили в разных комнатах и на разных этажах.

— Ну, пока, дети, — сказала мама, — я приеду в выходные и привезу вам сладостей.

Мы не ответили ничего, потому что знали, что это не случится.

Она всегда много обещала и практически ничего не делала.

Вот так и началась наша непутевая жизнь в интернате, где каждый боролся за свое место под солнцем, пуская в ход даже порой самые подлые методы борьбы. Лишь мой брат Николай был опорой, поддержкой и той силой, которая была способна защитить меня от физической расправы своих же одноклассников и старшеклассников.

Родителей с тех пор мы видели очень редко и, в конце концов, по окончании школы узнали, что они развелись.

Учебный год заканчивался, и мой брат должен был после 9 класса поступать в училище. Как раз после майских праздников он нашел меня на перемене между уроками и сказал:

— Ну что, сеструха, скоро я покидаю это мрачное место, но тебе только пару лет здесь помучаться осталось и — свобода. Давай отметим мой выпускной?

— Как отмечать этот выпускной будем?

— Может, вина или пива?

— А без этого нельзя? Может, мороженое или тортик?

— Совсем ты еще ребенок, — рассмеялся Николай, — хорошо, мороженое и тортик на наше

пособие как раз хватит.

— А ты за домом скучаешь?

— Не знаю. Мать вообще редко сейчас приходит. А остальные наши родственники где, интересно?

— Не знаю. Наверное, работают или учатся.

— Слушай, а куда ты потом после учебы пойдешь?

— Посмотрим. Но домой еще не знаю, поеду или нет.

— Знаешь, я так не хочу расставаться. Постараюсь к тебе чаще приезжать, Светик-семицветик.

И брат обнял меня и поцеловал в щечку.

— Коля, а куда ты пойдешь учиться?

— Надеюсь, буду механиком. Они хорошо зарабатывают. Вот и будем жить вместе на квартире. А там видно будет. Что думаешь, Светик?

— Мне тоже очень хочется вместе жить, а то дома родителям не до нас было, ни в школе, ни здесь ничего хорошего не было. Если бы не ты, меня тут бы вообще заклевали и забили. Хочется просто тепла и уюта.

— Тебе еще проще будет, ведь вы же девчонки шьете и вяжете, вышиваете и куховарите на уроках.

— Ага. Меня от этого всего уже тошнит.

— Ты же девчонка!

— Знаешь, Колян, когда тебя постоянно подгоняют и заставляют делать то, что ты не хочешь, из-под палки, как говорят в народе, от этого так хочется сбежать.

— Значит, маляром станешь. Мой дружок в прошлом году встретил девчонку. Она ремонты у богатых делает. Деньги хорошие ей платят.

— Мне бы доучиться. Ненавижу учебу, потому что ничего не понимаю и не хочу голову себе морочить.

— Ох и Светка. Ты всегда была упрямая, но надо учиться. Хоть деньги будешь уметь считать, чтобы не обманули, — снова рассмеялся брат.

Итак, мы договорились отметить наш выпускной в кафе под поручительство старшего брата.

Наступил момент расставания. Мы отправились в кафе, где заказали сок и сладости.

— Ну, что, сеструха, за начало взрослой жизни?

— Давай.

И Николай налил мне вина в стакан с соком, пока официантка отвернулась от нашего стола.

— Зачем?

— Для храбрости. Ты против?

— Нет. Надо хотя бы раз оторваться.

И мы оторвались.

Глава 3. Война пришла в мой дом

Мы пришли в этот мир, чтобы жить и любить

В мире вечной войны миров.

И когда начинают твой мир бомбить —

ПРЕВРАЩАЕМСЯ МЫ В СНАЙПЕРОВ.

МЫ РОЖДЕННЫЕ, ЧТОБЫ РОЖАТЬ,

Встали рядом — плечо к плечу.

Сколько нужно еще курок нажать

В лоб карателю и палачу?

Вернувшись домой после работы, я приняла душ в общежитии и с трудом доползла до кровати, даже не поужинав. Включив ноутбук и уложив его на кровать, я начала смотреть свой любимый сериал. Перед самым началом фильма, неожиданно для меня, пробежала строчка новостей о митингах в больших городах. Сначала все эти митинги были мирными, но со временем они расползлись по всей стране и стали более агрессивными, и трагические последствия были не за горами. Меня не интересовала политика. В то время мне, как и многим моим землякам казалось, что власти решат все сами и эти митинги утихнут, как бывало прежде. Но в самом начале весны, когда лужи еще замерзали по ночам, мой брат позвонил мне и

сообщил, как приговор новость: «Светик, я записался добровольцем в ополчение».

— Это, что, первоапрельская шутка?

— Нет.

— А что ты делать будешь там?

— Защищать свой город.

— От кого?

— Ты что, интернет не смотришь? Новости не читаешь?

— Читаю... иногда.

— Зайди на ютуб и посмотри последние события в нашем городе и столице.

— Хорошо, — согласилась я и продолжала смотреть сопливый женский сериал о любви, которой у меня не было.

Через несколько дней Коля забежал ко мне на работу в камуфляжной форме и живо рассказывал, как он стоит на блокпосту с настоящим автоматом, а я смотрела на него и не понимала, почему он так радуется.

— Сеструха, слушай, давай к нам!

— Что я там делать буду?

— В столовой или медсестрой.

— Я — медсестрой?

— Ну, тогда в столовой.

— Братишка, ты, что с ума сошел? Я же и готовить-то не умею.

— Помогать будешь.

— Ага. Полы мыть? Насмешил.

— Ты подумай.

— А почему это тебе оружие выдали, а я с тарелками буду возиться?

— Так вроде ты же девчонка.

— Нет. На столовую я не согласна.

— Ладно. Давай я тогда с командиром поговорю на счет тебя? Может, кроме столовой, еще что-то есть?

— Поговори.

Николай положил мне на стол пачку чая и шоколад и, попрощавшись, побежал снова на свой пост.

Я несерьезно воспринимала его слова и поэтому была очень удивлена, когда через неделю он прибежал снова и сообщил, что меня могут взять в столовую пока что, а потом в отряд к нему.

— И что я буду делать в столовой, Колян?

— Картоху чистить и борщи варить, как настоящая женщина и хозяйка.

— Впечатляет. Ладно. Согласна, но если ты меня не заберешь в отряд, я уйду.

— Договорились.

Он ушел снова и вернулся через два часа, чтобы забрать меня с собой.

— Что брать с собой?

— Не знаю. Брюки возьми, рубашки, свитер... короче, что-нибудь удобное на все случаи жизни.

Николай бросил на кровать спортивную сумку и сказал:

— На вот тебе для вещей. Собирайся.

Я наспех собрала свои немногочисленные пожитки и отправилась вслед за братом в новую, взрослую и еще неизведанную для меня жизнь.

Мы подошли к невысокому зданию на окраине города, и Коля подвел меня к мужчине средних лет, который оказался командиром.

— Вот, привел сестру. Куда нам теперь?

— А она знает, что с ней будет и что ей надо делать?

— Объяснял ей все, но она у меня упрямая. Отчаянная девчонка.

— Отчаянная? Это то, что сейчас надо. Ну, веди ее сюда. Посмотрим, какая у тебя сестра.

Брат подошел ко мне и прошептал:

— Мой командир. Хороший мужик, но строгий и любит порядок.

— И что мне с этим делать?

— Слушать, что говорят и все.

— Попробую.

— Давай. Только характер пока свой не показывай.

— Да ладно тебе, братан.

Коля подвел меня к коренастому мужчине с густой русой шевелюрой и огромными карими глазами. У него были такие длинные ресницы, что я

даже позавидовала ему. Он подошел ко мне ближе, вытащил руки из карманов, поправил кепку и, пристально посмотрев на меня, сказал:

— Капитан Малышев, — представился он. — Ну, здравствуй, Светлана, — сказал капитан таким уверенным и спокойным голосом, что заставило меня забыть о своем неуравновешенном характере и стать серьезной и внимательной.

— Добрый день.

— Знаешь, куда пришла и что будешь делать?

— В общих чертах.

— Тогда иди на кухню, вот туда к кирпичному зданию. Найдешь Юлию Сергеевну, и она тебе объяснит твою работу.

Я развернулась и пошла, не проронив ни слова, хотя слово «кухня» для меня было как красный цвет для быка.

Зайдя в указанное здание, я крикнула:

— Где тут Юлия Сергеевна?

— Я здесь, — донесся из конца коридора женский голос.

— А кто тебя прислал?

— Командир ваш.

— Ага. Значит, помощница будет. Это хорошо. Задачи свои знаешь?

— Нет.

— Тогда слушай. Ты разносишь обеды в столовой и на боевые тоже будешь ездить.

— Отлично.

— Отлично? Ты хоть знаешь, что там стреляют?

— Конечно. Хотя на месте не буду сидеть.

— Ну, тогда сработаемся.

Мне выдали кое-какую форму, и так началась моя боевая деятельность.

Я ненавидела кухню, и только выезд на боевые позиции вдохновлял меня.

— Пацанка, — говорили бойцы, — совсем зеленая. А я все мечтала, что однажды и я смогу воевать. Адреналин бурлил в молодых венах. Не знала я тогда, как это все обернется для меня и что придется пережить, но не боялась ничего.

Пожилые бойцы называли меня дочкой, а молодые заигрывали и шутили: «Вот война закончится, и женюсь на тебе, Светка», — говорили некоторые из них. Но ни один так и не смог сделать то, что обещал. Все они, необстрелянные юнцы, погибли в первый же год той жестокой войны.

Однажды к нам в столовую зашла девушка чуть старше меня и присев за стол, стала что-то чертить и рассматривать в ожидании обеда.

Я принесла ей обед и поставила на стол. Она подняла голову и вдруг спросила:

— Не надоело тут с тарелками и кастрюлями возиться?

— Надоело. А что?

— Может, хочешь ко мне?

— К вам? Куда?

— В команду.

— А что там делать?

— Стрелять.

— Так я же не умею.

— Захочешь — научу.

Она пристально посмотрела мне в глаза и продолжила:

— Колян говорил, что ты кухню терпеть не можешь. Вот и шанс будет сбежать отсюда. Когда решишься, дай знать.

— Хорошо. Только как меня отпустят?

— Скажешь командиру, что я тебя могу к себе взять. Думай. Да, кстати, Юля меня зовут. Петрова Юля, позывной «Петрушка».

И она ушла, наспех выпив компот.

Всю неделю мне не давал покоя этот наш случайный разговор. Лишь к концу следующей недели я услышала обрывок разговора солдат и командира, который заставил меня сделать выбор и покончить со столовой.

Я привезла обед прямо в поле и, раздав все продукты, начала собираться, как вдруг услышала разговор о моей новой знакомой:

— Слыхал, как «Петрушка» на днях отличилась?

— Юлька, что ли?

— Она самая.

— Всю колонну расстреляла сама и смогла уйти. Во дает девка.

— Злая она стала.

— Это и понятно. Всю семью ее расстреляли и жениха убили. Вот и мстит.

— Отчаянная наша Юлька.

Мне так захотелось вдруг все бросить и найти эту самую «Петрушку». Но я не знала, как это сделать, а сама она давно не появлялась. Но через несколько дней она пришла с забинтованной рукой.

Я быстро подошла к ней и, поставив обед на стол, спросила:

— К тебе в отряд еще можно?

— Да. Что, решила наконец? Столовая надоела или по мужикам соскучилась?

— В отряд хочу. Воевать.

— Ладно. Шучу я про мужиков-то. Сегодня с командиром поговорю и завтра, если что, заберу тебя.

— Спасибо.

— За что? Я ж тебя не на свадьбу зову.

— А лучше риск, чем унылая столовая. Надоело все это до чертиков.

— Ладно. Посмотрим, что из тебя получится. Только не ныть, если что случится.

— И не думаю.

На следующий день «Петрушка» пришла за

мною и мы поехали в отряд.

Подъехав к унылому серому зданию, которое стояло, наверное, без признаков жизни лет 5, я увидела бойцов.

— Что, Юлька, новую жертву своих тренировок привезла?

— Нового бойца. А вам только поржать?

— Что вы, мадам! Нам ее уже жаль. Замордуешь своими приказами.

— Да ты не бойся, Света, это они шутят так, — объяснила мне моя новая подруга и командир, увидев мои немного испуганные глаза.

— Пойдем. Это наша комната. Располагайся. Час на сборы и пойдем тренироваться.

— Ясно.

— Жду на улице.

Когда я вышла, Юля сидела на ступеньках у входа и курила. Ее глаза смотрели куда-то вдаль. Как только она услышала шаги рядом, сразу обернулась, но увидев меня, успокоилась, бросила сигарету в сторону и сразу же подскочила, поправляя брюки, аккуратно заправленные в берцы. Она посмотрела на меня и указала дорогу без лишних слов. Мне казалось, что мы понимали друг друга с полуслова, как родные сестры с момента нашей первой встречи.

Через час меня начали обучать стрельбе. Я лежала рядом с командиром и слушала

внимательно каждое ее слово. Мне очень хотелось делать все правильно.

— Вот держишь так винтовку. Не давить на курок. Плавно нажимать и делать все на одном дыхании. Как лепесток гладишь. Видишь вот ту ветку на дереве?

— Да. Попробуй сбить желудь на ней.

Я прицелилась и боялась даже дышать. Раздался хлопок.

— Ну, все. Пойду проверю, какой из тебя стрелок.

Юлия побежала к мишени и вдруг закричала:

— Ну ты и даешь!

— Что?

— Ты желудь насквозь пробила с первого раза.

— Берешь в свою команду?

— Такой стрелок мне нужен. Где ты тренировалась?

— Нигде.

— Значит, это талант и глазомер хорошо развит.

— Зрение хорошее? Вроде того?

— Да.

— Так книжек много не читала, вот и сохранила зрение, — пошутила я.

— Веселая ты девчонка. Ну, ладно. Посмотрим, что из тебя получится.